

ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

Сергей Котов

ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

«Автор»

2026

Котов С.

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ? / С. Котов — «Автор», 2026

«По ком звонит колокол?» — это произведение-гнев, произведение-боль. Это попытка поэтическими средствами сказать о том, что новостные сводки часто обезличивают: о цене человеческой жизни в разных системах координат. Автору удалось главное — создать в душе читателя незаживающую рану от сопоставления «прекрасной ветхой Гаваны» и «стерильного ада Эпштейна». Это не та книга, которую можно читать беспристрастно. Это удар, и удары, как известно, не бывают «объективными» — они бывают сильными или слабыми. Данный текст — сильный. Несмотря на некоторую идеологическую плакатность и склонность к гиперболам в сценах «острова зла», это важное высказывание о том, что выбор между «совестью и счетом в банке» совершается каждый день и каждым из нас. Рекомендация: К прочтению теми, кто ищет в литературе не только эстетику, но и острый социальный нерв. Требуем эмоциональной готовности к тяжелым сценам и открытой политической ангажированности автора.

© Котов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Карты мира, сложенные пополам	5
Часть первая. Остров Свободы: Крепость в океане	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Котов

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

Пролог: Карты мира, сложенные пополам

Я раскладываю на столе две карты.

Не для того, чтобы сравнивать.

Для того, чтобы понять:

кто кого окружил.

Одна – остров,

обведенный блокадой.

Не красным кружком —

колючей проволокой по воде,

авианосцами по периметру,

законами, запрещающими

торговать хлебом,

лечить детей,

менять лампочки.

Шестьдесят лет удавка

стягивается на горле,

а остров дышит,

потому что легкие

натренированы

не кислородом —

упрямством.

Посмотрите:

за пальмами – не проволока,

за пальмами – флот,

который сторожит,

чтоб никто не приплыл

с лекарствами,

с правдой,

с надеждой.

А люди все равно

стоят на Малконе,

смотрят на север

не с мольбой —

с презрением.

Они знают:

тот, кто душит,

боится.

Боится, что однажды

этот остров

покажет миру:

можно жить иначе.

Вторая карта —

распечатка со спутника.

Частный остров,
где другие законы.
Там закон один:
все продается.
И если продается детство —
значит, есть спрос.
Если есть спрос —
значит, это бизнес.
Если это бизнес —
значит, это свято.
Здесь пальмы растут
не из песка,
а из пачек долларов,
политых кровью,
которую не видно
на черном шелке.
Здесь ландшафтный дизайн
вылизан до стерильности,
чтобы запах смерти
не отвлекал
от десерта.
Я складываю карты вместе.
Теперь видно:
эти два острова —
не сообщающиеся сосуды,
не два берега одной реки,
не полюса одного магнита.
Это две вселенные,
которые никогда не встретятся,
потому что одна
живет по закону
«человек – брат»,
пусть и с перебоями,
пусть и под блокадой,
а другая —
по закону
«человек – цена».
И если я
переплыву
от одного
к другому,
я пересеку
не океан,
а границу,
которую капитал
провел
прямо
по живым.
Яхты плывут.

Они не знают,
что их компасы
давно сломаны —
стрелка дрожит
не между Гаваной и Майами,
а между совестью
и счетом в банке.
Одни плывут туда,
где их ждут
с распростертыми объятиями
и удавкой наготове.
Другие —
туда,
где объятий не будет,
но будет правда,
которая дороже.
Граждане!
Если вы держите в руках
эти листы —
не верьте
пунктирным линиям.
Земля не терпит лжи.
Она круглая.
И если где-то
пальма выросла
из крови,
то где-то
эта кровь
стала удобрением
для свободы.
Я убираю карты.
Пора в путь.
Не для того,
чтобы найти ответ.
Для того,
чтобы увидеть своими глазами:
что стоит,
а что сгнило,
что дышит,
а что провоняло
хлоркой
и безнадегой.

Часть первая. Остров Свободы: Крепость в океане

Глава первая. Гавана, которая выстояла

Я сошел на берег в полдень.
Солнце стояло над Малконом,
как расплавленный медный цент,
который не купит здесь ничего,
потому что здесь
не все продается.
Гавана дышала в лицо
сыростью и солью,
запахом черных бобов,
которые варятся на медленном огне
в глубине патио,
и запахом бензина —
дефицита,
который научили
экономить.
Колониальные особняки —
старухи с обвалившимися щеками,
их лепнина осыпается на тротуары,
как пудра с лица умирающей графини.
Но посмотрите им в глаза —
в проемы окон:
там нет стыда за ветхость.
Там вызов.
«Мы стоим», – говорят они, —
мы стоим, несмотря на то,
что полмира старалось
нас свалить».
Балконы держатся на честном слове
и на вере,
что завтра будет не так,
как вчера,
а лучше.
Потому что хуже —
когда тебя душат,
уже было.
И это пережили.
А по мостовым —
американские лайнеры пятидесятых,
выкрашенные в кислотные цвета:
розовый, бирюзовый, оранжевый.
«Шевроле» и «Плимуты»
с двигателями,

перебранными руками
сантехников и поэтов.
Они сверкают хромом,
как новенькие,
но пахнут внутри
не бензином и тоской,
а бензином и гордостью:
мы их починили,
мы их сохранили,
мы не дали им сгнить,
как сгнивают люди
в очереди за прибылью.
Кабриолет цвета спелой гуайявы
остановился у набережной.
Водитель, негр в соломенной шляпе,
крикнул:
– Амиго! Садись,
прокачу по временам,
которых нет!
Я засмеялся и сел.
Ветер рвал рубашку,
пока мы летели
мимо разрушенных арок
и свежевкрашенных фасадов,
мимо детей,
гоняющих мяч на площади Революции,
мимо очередей за хлебом,
которые вьются, как змеи,
но змеи эти
не ядовиты —
они просто ждут.
Ждут, когда кончится блокада,
когда приплывут корабли
не с войной,
а с мукой.
– Сколько лет блокаде? —
спросил я у водителя.
Он обернулся,
усмехнулся золотым зубом:
– Шестьдесят.
А мы все ездим.
Видишь? —
он хлопнул по рулю,
и руль отозвался
гулким железным стоном.
– Эта машина старше меня.
И старше блокады.
И моложе нашей веры.
Мы остановились у «Эль Флоридиты».

Бар стоял на месте уже сто лет,
и кондиционеры выстудили внутри
вечную осень.
За стойкой – китаец с лицом Будды,
он протирал бокалы так медленно,
будто отмерял время
между жизнями.
В углу, у стены,
увешанной фотографиями,
сидел он.
Белая борода, свитер даже в жару,
глаза – рыболовные крючки,
зацепившиеся за что-то
на самом дне.
Хемингуэй.
Не призрак упадка,
а иностранец,
который понял правду
раньше многих.
– Садись, – сказала тень.
Голос скрипел,
как несмазанная лебедка.
– Ты думаешь, я умер?
Нет, старина,
я просто жду,
когда кончится этот
дурацкий спектакль
с блокадой.
Я видел их всех.
Фидель заходил после Сьерры,
заказывал молоко, как ребенок.
Че стоял вон там, у стойки,
пил кофе и смотрел на карту мира.
Они хотели переделать мир.
А мир в это время
заказывал еще одну порцию дайкири
и плел сети,
чтобы удушить этот остров.
Тень исчезла.
Остался только недопитый бокал
и фотография на стене:
бородач с папирсой,
рядом – рыба-меч,
которая весит больше,
чем вся американская пропаганда.
Я вышел на улицу.
Ночь стояла в переулках Гаваны-Вьеха,
густая, как патока.
Фонари светили вполнакала —

экономия.
Но из открытых дверей кафе
лилась музыка,
и в ней не было тоски.
В ней была ярость.
Ярость жизни,
которую не сломать
ни блокадой,
ни голодом,
ни годами.
У стены сидел старик.
Негр, кожа – как старый портфель,
руки – корни мангровых деревьев,
державшие когда-то мачете.
Он сидел на перевернутом ящике
и смотрел, как луна
карабкается по фасаду собора,
цепляясь за каждую статую.
– Добрый вечер, – сказал я.
– Добрый, – ответил он.
– Если ты не ждешь,
что тебе подадут
свободу на тарелке.
Свободу берут сами.
Или не берут.
Мы взяли.
И теперь платим.
Шестьдесят лет платим.
Но это лучше,
чем продаваться.
Он похлопал по ящику рядом.
Я сел.
– Я рубил тростник, —
сказал он, глядя прямо в стену.
– Пятьдесят лет.
Сын рубил.
Внук уже не рубит —
он в Майами стрижет газоны
и шлет нам деньги.
Деньги – это хорошо.
Но газоны в Майами
политы слезами тех,
кто не выдержал.
А тростник здесь
полит потом тех,
кто выстоял.
Ты знаешь, какой он,
сахарный тростник?
Он выше человека.

Он режет руки, если не знаешь,
как взять.
Но когда он горит на плантациях —
это красиво.
Очень красиво.
Огонь бежит по полю,
трещит, черный дым валит до неба.
Мы жгли тростник перед уборкой,
чтобы легче было.
И стояли в дыму, с мачете,
и пели.
— Что пели?
— спросил я.
Старик посмотрел на меня
и вдруг запел тихо,
скрипуче:
"Cuando vine a la zafra,
me dijeron, me dijeron...
Cuando vine a la zafra,
me dijeron que era pa'l porvenir..."
— Это про будущее, — сказал он.
— Нас позвали на заготовку
ради будущего.
Ради того, чтобы дети
не знали голода.
И мы рубили.
Рубили так, что руки отнимались.
А будущее пришло.
Не такое, как обещали.
Труднее.
Злее.
С блокадой.
С голодом.
С очередями.
Но это наше будущее.
Мы его выбрали.
И его у нас не отнять.
Он встал,
разминая затёкшие ноги.
Колени хрУстнули, как сухие ветки.
— Ты иди, — сказал он.
— Иди, смотри.
Понюхай наш воздух.
Он пахнет морем,
тростником и тем,
что не сдАлось.
А завтра приходи на Малекон.
Там все старики сидят
и смотрят на воду.

Мы не ждем чуда.
Мы смотрим на врага.
Чтобы он знал:
мы помним.
Всё помним.
Каждый выстрел.
Каждый запрет.
Каждое лекарство,
которое не доплыло.
Мы помним —
значит, мы живы.
Он ушел, растворился в арке,
оставив после себя
запах дешёвого табака
и тот странный золотой блеск
во тьме.
Я остался на площади.
Часы на соборе пробили полночь.
Двенадцать ударов,
как двенадцать лет блокады,
которые уже были,
и еще сорок восемь,
которые будут,
но остров стоИт.
В гостинице, куда я приду под утро,
на стене будет висеть портрет Че
с надписью:
«Hasta la victoria siempre».
До победы всегда.
Не «если»,
не «когда-нибудь»,
а «всегда».
Потому что путь к победе
и есть победа,
если ты не свернул.

Глава вторая. Блокада. Баллада о кислороде

Я вышел на Малекон утром.
Волны били в стену,
как годы бьют в гранит терпения.
Старики сидели на парапете,
смотрели на север,
где за горизонтом
стояла империя,
которая не может простить
одного:
что нашлась земля,

сказавшая «нет».

Один из них,

с лицом, изрезанным морщинами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.